

ПРИЧИНА И ПРИЧИННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОСЕМИОТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИСКУРСА: КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹

И.Ф. Ухванова-Шмыгова

Белорусский государственный университет

Аннотация: В статье обсуждаются основания антропосемиотического каузально-генетического подхода к моделированию содержания дискурсов. Обсуждение строится с фокусировкой на причины, порождающие содержание дискурсов, и их функционально-классификационные характеристики (факторно-фактурную или процессуально-фактологическую проявленность). Последние и определяют функциональную целостность и диапазон актуализаций содержательного потенциала дискурсов, их информационную вариативность и интерактивную адаптивность.

Ключевые слова: причина, фактор, фактур, каузально-генетический подход или перспектива (КГП); каузально-генетическое моделирование (КГМ), антропосемиотика, дискурс.

¹ Каузально-генетический подход (КГП) в моделировании языковых знаков макроуровня (высказываний, текстов, дискурсов, типов дискурса) впервые представлен в журнале «Философская и социологическая мысль» [Ухванова-Шмыгова 1993] в формулировке «Причинно-генетический подход». Данный подход создан в процессе размышлений над тем, что содержание коммуникативного процесса и продукта (будь то дискурс информационного сообщения, телевизионной передачи, книги, газетного выпуска, собрания сочинений или иного целостного коммуникативного явления) выходит далеко за его семантический план. Так, содержание вбирает в себя также и прагматический, речедетельственный, речеповеденческий и другие планы содержания. А, то, что обычно называют в интернодисциплинарной среде «языковой аспект коммуникации», на самом деле не является одним среди многих других аспектов проявления коммуникации. За ним (и это как АБЦ для любого грамотного лингвиста) стоят как минимум три плана содержания: системо-, тексто- и деятельность- формирующие. Соответственно, нельзя говорить о семиозисе языкового макрознака без учёта такой спецификации изучаемого объекта, а также без учёта того, что у каждого плана есть причина, способствующая факту его появления и характеру его проявления. Необходимость «присмотреться» повнимательнее к каждой из причин и ее следствию, определить их место (значение) и роль (функцию, значимость), причём «присмотреться» и в статике (по факту), и в аспекте функционирования (с учётом развития явления и в ретро-проекции и в перспективе), и в аспекте динамических преобразований (с учётом пересечения планов и их «срастания», т. е. самоорганизации в группах — кластерах) — все это позволит осознать диапазон такого явления как содержание дискурса (коммуникативного процесса и продукта, социального события, факта, действия) в его каузально-генетическом «прочтении». Подход строился с помощью метода Сократовской беседы, получившего отражение в логическом круге Пирса «-индикция-абдукция-дедукция-абдукция-индукция-». Подход экстраполирует к так называемым причинам-абсолютам типа «курица- яйцо»: что есть причина, а что следствие? Например, в отношении «знак-знаковая система» является ли знак знаком без знаковой системы, и возможно ли существования знаковой системы без знака?

Введение

Сегодня актуальным становится изучение такого явления как качество — качество образования, качество товара, качество услуги, качество жизни, и среди них — *качество мышления*. Все эти позиции являются, по сути, продуктами коммуникации, ибо реализуют себя в социальной среде. Не удивительно, что в дискуссии принимают участие представители практически всех гуманитарных и социальных наук. Одни ставят вопросы, другие дают ответы, третьи бьют тревогу: «Проблема современного человека не в том, что мы делаем *мало*, а в том, что мы пытаемся делать *всё* и надрываемся...»; соответственно, нужно пересмотреть соотношение деятельности к так называемой бездеятельности, а на самом деле, «сбалансировать деятельность в команде и в одиночестве, в шуме и в тишине. Тогда откроются внутренние источники творческой энергии...; эффективные руководители ... не спешат и ... выигрывают, потому что получают доступ к тем отделам мозга, *куда обычно заглянуть-то не удаётся*. А когда человек углубится в эти *зоны* своего собственного разума, он вполне вероятно найдет там по-настоящему новые идеи (*курсив в цитатах наш* — И. У.) [Манфред, Врис 2004], продемонстрировав тем самым качество мышления. Авторы книги «Управление временем» и бьют тревогу и успокаивают читателя: все придёт само, и нужные зоны мозга работают, а с ними и новые идеи придут. И делать-то ничего особенного не надо, ведь все равно *заглянуть* туда (в эти зоны) не получится. Лучше просто на время сменить род деятельности. А с зонами пусть работают нейробиологи и медики.

Впрочем, мы полагаем, что можно достаточно эффективно «заглянуть» в то, насколько качественно работает мозг человека, насколько эффективна его информационно-коммуникативная деятельность, насколько глубоко понимает он происходящее вокруг и то, как он сам общается с миром в целом и с другими людьми в частности. О качестве мышления сегодня многое может сказать такая наука как *лингвистика дискурса* [La Table Ronde... 2013], интегрирующая в себе когнитивистику и коммуникативистику, прагматику и теорию деятельности, а вместе с ними теорию речепорождения и речевосприятия в их информативном и интерактивном форматах, теории социализации, обучения и воздействия и многие другие. В этом контексте мы и предлагаем посмотреть на интегративный, антропосемиотический каузально-генетический подход (КГП) и предлагаемое в его рамках каузально-генетическое моделирование (КГМ) дискурсов. Полагаем, что данный подход помогает увидеть (с помощью набора прототипических и функциональных моделей), и, тем самым, осмыслить как происходит процесс мышления и его вербализация, а вместе — процесс познания, какие причины порождают знание, и какое знание, а также знание чего, что именно способствует реализации и самоидентификации себя в реальном мире и мире языка, в мире социума и своем собственном, как меняют знание такие параметры как *опыт, время, пространство, язык, тип, вид и род деятельности*.

Но перед тем как выйти на уровень прикладного значения (прикладного исследования), адаптировать знание под ситуацию, научить как это делать, необходимо понять суть метода, познакомиться с теорией вопроса, наконец, принять его как данность, с которой можно и, в ряде случаев, нужно работать.

Приняв полипарадигмальность и интердисциплинарность КГП в качестве стартовой позиции, мы, тем самым, признаем определённую тщетность раскрыть в одной статье все его положения. Но мы знаем, что научная статья легко превращается из текста в дискурс, как только мы начинаем (как клубочек ниток) распутывать заложенную в текст интертекстуальность — актуализировать иные тексты, «вписанные» в текст, которые помогают нарастить смыслы, обогатить объем содержания, соотносить одну информацию с другой, столкнуть идеи и породить новые или уточнить старые. Надеемся что наши тематические отсылки и практи-

ческие ссылки несколько исправят недостаток малого текста, которым и является статья, а дискурс-проекция сделает из нее макротекст. Итак,

поле исследования, задаваемое статьёй, — лингвистика дискурса;

объект — каузально-генетическое программирование или теоретическое моделирование дискурса;

предмет — явление причинности (каузальности) в том виде, в каком оно «вписано» в контекст КГП;

цель — пошаговая дескрипция КГП как процесс раскрытия явления (дескрипция и функционально-классификационная характеристика причин, порождающих содержание дискурсов);

метод — реконструкция, ибо мы врываемся в то, что изначально сокрыто, невидимо, но существует, и это — *содержание* коммуникации, проявляющее себя в дискурсных *практиках* (идеализация явления) и видах коммуникативной *деятельности* (феноменологизация или субстанционализация явления);

актуальность (в действии) — опора на интегративный образ мышления, стоявший у истоков научной мысли, с проекцией на новый виток познания и адаптацию опыта науки к новой реальности.

И в этом контексте нам необходима рефлексия, особо востребованная в ситуации разобщённости субъектов научного мира, изучающих по сути то же явление, но с разных сторон. Увидеть новые грани явления всегда полезно, ибо это, безусловно, обогащает потенциал каждого участника (со)действия. В этом и смысл материала, предлагаемого читателю.

Лингвистический контекст моделирования

Подходы лингвистов к вопросам моделирования фактов языка всегда вызывали междисциплинарный интерес. Возможно, объяснение этому явлению можно найти в том, что лингвисты всегда были открыты методам других наук, как например, математика и семиотика, а, благодаря им, медицина и биология, химия и генетика. И, конечно, философии. А сегодня, в контексте углубления теоретического и прикладного потенциала науки, к этому списку добавляются кибернетика и теоретическая физика, ибо моделирование выходит на уровень не только функциональных, но и комплексных систем.

Особый интерес учёных широкого междисциплинарного поля прикован сегодня к прикладным исследованиям. *Прикладная лингвистика*, в рамках которой сегодня активно развиваются компьютерная и корпусная лингвистики, транслаторика (переводоведение) и лингводидактика, дискурс-анализ, а точнее, лингвистика дискурса и ее составляющие (дискурс-экспертиза, политический, промоционный, организационный, академический и другие типы дискурса, речевая конфликтология и организационная коммуникация), раздвигает подходы к моделированию фактов дискурса (речи, погруженной в жизнь). В частности, наблюдается выход за пределы *структурно-линейного* моделирования в поле создания *иерархических и системных* моделей репрезентации коммуникативных процессов и продуктов.

Ещё недавно лингвисты обсуждали проблему сложности нахождения консенсуса в моделировании языковых фактов [Zuidema, Boer 2003: 222]. В этом контексте виновниками видели противостояние методологически контрастных *-измов*: формализм против функционализма (*formalism vs. functionalism*), нативизм против эмпирицизма (*nativism vs. empiricism*) и т. д. [Pinker, Prince 1988]. Усиливал ситуацию конфликта и поиск оптимального метода: качественный или количественный подход (где переход «или» в «и» рассматривался весьма условно). А в результате — дробление исследовательского поля, перетягивание каната: форма или содержание, латентное содержание или актуальное, качественное или количественное?

Выход на макротекстовое пространство безусловно возвращает нам значимость интегративных подходов.

Общие классификационные основания моделирования в современной лингвистике

Теоретические аспекты моделирования в лингвистике, как и в любой другой науке, опираются на классификации, принимаемые и описываемые с учётом целей и задач *конкретного* направления знания, что может мешать подходам разных наук демонстрировать также и *общее*.

Классификация моделей может строиться по разным основаниям. Общим местом построения классификаций стали основания:

(1) по функции или назначению (значению) — объяснять или прогнозировать? В результате модели определяют как *объяснительные, сущностные (ОМ)*, либо *прогностические, смысл-актуализирующие (ПМ)*. Разница между ними в степени детализации: от общих абстрактных, но пространственно определённых (учёт позиционирования явления к другим явлениям или наблюдателю) в ситуации ОМ, до определяемых во времени, а значит, по сути, феноменологических ПМ;

(2) по форме: *математические (ММ)* либо *компьютерные (КМ)*. Первые формализуют феномен в формате системы, в то время как вторые сосредоточены на репрезентации поведения системы;

(3) по оценке или отношению (валидности): *внутренней* (инклюзивность **причинно-следственных отношений**) или *внешней* (эксклюзия таковых).

Любопытно, что как только мы доходим до третьей позиции, центрированной на причинно-следственных отношениях, тут же чистота классификации даёт сбой, а именно: модели с внутренней «пружиной» (самооценкой) будут включены в разряд ММ, ибо включение в модель прямых причин говорит о том, что перед нами порождающая модель; в свою очередь, модели с оценкой извне — это, как правило, КМ, которые предполагают включенность эмпирического материала, ибо требуют доказательств причинно-следственной зависимости (что важно, когда явление видится в развитии — *ретроспективе* либо *перспективе*).

Как видим, функция, форма и оценка имеют тенденцию к пересечению, что говорит об отсутствии строгих классификационных границ, что вполне закономерно при изучении явлений сложного порядка, какими являются языковые факты в их функционировании в социуме — дискурс-факты. Тут могут иметь и имеют место *параллельные* модели с акцентом на разные классификационные основания.

Из нашего опыта моделирования типов дискурса (КГМ), а также описания порождаемых моделей с позиции их классификационной ценности, параллельные типы моделей могут спокойно соседствовать с конфликт- либо диалог-центричными, но также и соподчиняющимися, полевыми, которые сохраняют устойчивый центр и относительно подвижную периферию. Наш опыт моделирования говорит о том, что союз «или» («либо») может и не работать. В частности, КГМ дискурсов — это и ОМ и ПМ, и ММ и КМ. КГМ имеет как внутренние, так и внешние основания, непосредственно вписывает (*inscribes*) в себя причины (контекст), но, при этом может быть открытым воздействию на эти причины, превращая их в *контент*, а то, что ранее было *контентом* — в контекст. Иначе, моделирование дискурса в рамках КГМ приводит к выводу о том, что причинно-следственные отношения не связаны напрямую с параметром «время» (факт, получивший ранее признание в ядерной физике). Так, термин «дискурс» начинает подтверждать актуальность своей этимологической отсылки — *ходить туда и обратно*, т. е. обладать способностью

возвращаться во времени. Остаётся вопрос, каковы отношения дискурса с параметром «пространство».

Семиотический контекст моделирования

Антропосемиотика — термин, используемый для обозначения научного направления, в фокусе внимания которого общение людей с опорой на знаки и знаковые системы. *Зоосемиотика*, в свою очередь изучает специфику общения животных (их знаковые системы), а коммуникативное поведение растений — прерогатива *фитосемиотики*. Есть, наконец, и *физиосемиотика* — наука, изучающая коммуникативное поведение физической материи как таковой. Но интересно то, что в словаре “Key Themes and Major Figures in Semiotics and Linguistics”, включённом в книгу “The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics”, которая вышла в одноимённом издательстве в 2001 году [The Routledge Companion... 2001: 149-288], дефиниции всех этих семиотических направлений находятся в одной словарной статье: “Antroposemiotics” [The Routledge Companion... 2001: 154], демонстрируя, тем самым, и единство (обще)семиотического «мышления», и единение антропологического подхода с другими семиотическими системами. При этом добавим, что пафос единения семиотики и лингвистики в русле антропологической — и в истории, и в сегодняшнем дне.

Год спустя после выхода “The Routledge Companion...” во Франции выходит словарь дискурс-анализа “Dictionnaire d'analyse du discours” [Dictionnaire... 2002], который также отмечает актуальность пересечения семиологической и лингвистической теорий репрезентации дискурса. А вместе с констатацией факта единения пространств лингвистики и семиотики становится акцентированной значимость причинности (каузальности) в порождающих и воздействующих направлениях изучения специфики дискурс-реализаций (актуальность моделирования дискурса в целом и типов дискурса в частности).

Отвечая на возможный вопрос, как проявляет себя идея причинности (каузальности) в семиотическом пространстве, необходимо обратиться к термину *семиозис*, который, как полагают некоторые исследователи, и стал *основанием для рождения* (значительно позже) *семиотики* — науки о связях и отношениях знака, а значит собственно науки о знаке (функциональное направление), и науки о семиозисе знака (интерпретативное направление).

Появление термина «семиозис» точно не датируется. Однако полагают, что *идея семиозиса* представлена впервые в издании Philodemus (V–IV вв. до н. э.). Известно также, что термин широко использовался во втором веке нашей эры в практике врачевания, в частности Галеном из Пергамы. В контексте врачевания слово *семиозис* означало *интерпретацию симптомов*: симптом как *знак*, отсылающий к некоей реалии (десигнат) и обладающий воздействием (*интерпретанта*) [Усманова 2001: 711]. Как видим, идея семиозиса уже изначально работала в контексте профессионального дискурса в качестве метода, помогая древнегреческим физиологам ставить диагноз.

Итак, перед нами фактически *первый семиотический треугольник* «знак-десигнат-интерпретанта», репрезентирующий семиозис (содержание) знака в движении (сопоставлении и соединении). Иначе, движение мысли и обеспечивает знаку наличие функционального содержания (знания и отношения), а коммуниканты в контексте этого движения мысли обретают актуализацию, понимание знака. Семиотическая модель, предлагающая понять явление через его связи, уже изначально объединяет в себе причину и следствие, и поэтому она призвана и объяснить, и дать прогноз — изначально ретроспективного плана (установление диагноза), а затем и проспективного (ибо с установлением точного диагноза специалисту понятно дальнейшее течение болезни). Итак, в семиотической модели есть два начала — аналити-

ческое и синтетическое. Именно поэтому она обладает как объяснительной, так и прогностической силой.

КГМ наследует данную характеристику, являясь семиотической, а точнее антропосемиотической, ибо работает со знаками кодов, используемых людьми, среди которых ключевое, но не единственное место занимает языковой код — система языка (среди других — речевой код, речеповеденческий код и др.).

Ранее мы представляли КГМ как лингвосемиотическую, но с учётом вышесказанного расширить спецификатор, ибо термин *антропосемиотическое моделирование* в любом случае включает в себя лингвистическое начало. Благодаря этой характеристике КГМ значительно расширяет идею интердисциплинарности «вписанной» в подход. Причём эта идея имеет двойную направленность — и в контексте построения КГМ, и в контексте его использования. Апробацию подход получил в рамках моделирования таких типов дискурса как *дискурс политического лидера* и *дискурс харизматического лидера* [Методология... 2002], *дискурс эксперта* и *дискурс коалиции* [Методология... 2009], *дискурс ЭСИ* — элитарных средств информации [Попова 2008], *академический дискурс* [Луцинская 2011], *дискурс медиа-лоббирования* [Савич 2012], *дискурс деловых переговоров* [Курчак 2012] и ряд других.

Парадигмальные характеристики каузально-генетического подхода

КГП: критерии самоопределения. Наиболее краткое представление научного подхода (а именно таковое и возможно в формате статьи) только и возможно, что через репрезентацию его ключевых категорий. Самоопределение научного подхода — понятие комплексное, многоуровневое, затрагивающее категории двух планов: (1) категории парадигмальные, свойственные науке вообще и благодаря этому специфицирующие конкретную научную область, и (2) категории научной области, специфицирующие дисциплину. Учёный не может не размышлять над этими позициями, работая над любым научным проектом, в том числе в контексте своей квалификативной работы (диссертации), ибо это всегда — процесс самоопределения. То же самое мы делаем в контексте самоопределения научно-исследовательской группы (школы) [Ухванова-Шмыгова 2010а: 49–51; Ухванова-Шмыгова 2010б: 111–115].

Поговорим о категориях самоопределения парадигмального свойства, которые по сути предоставляют, в совокупности, матрицу научной школы, — что именно попадает в поле зрения школы и является принципиальным, ключевым, своего рода абсолютотом. И в этом смысле в данных категориях уже изначально заложен потенциал причинности. Это — самая устойчивая категориальная группа, но все же и ее целостность претерпевает изменения с историей развития науки. От того, что именно стоит за каждой из позиций, и насколько они затребованы, мы можем судить о научном направлении, школе, исследовании

КГП принимает общепринятые позиции, но также предлагает посмотреть на расширение этого устоявшегося блока категорий. Итак, ниже мы приводим наш вариант заполнения категорий [Ухванова-Шмыгова 2000: 22–29], используя их для самоидентификации нашего подхода:

- действительность (реальность) в контексте КГП — это максимально широкое понятие: Это весь объективный фон речевой деятельности субъекта, весь содержательный план языка (массив вещей, фактов, событий, как реальных, т. е. порождённых природой и вовлечённых в практическую деятельность человека, так и знаковых, порождаемых человеком. Их организуют (упорядочивают) в процессе социально-речевого взаимодействия конкретный индивид, социальная группа и социум в целом (иначе, они осмысливаются нами в диапазоне от индивидуального до типового). *Выступая для индивида в виде упорядоченного знания (со-*

образно опыту субъектов в освоении когнитивной, прагматической, практической, поведенческой, типовой или социально-ролевой деятельности), *реальность* всегда конкретна и исторически ограничена, но в то же время она постоянно открыта для «пересмотра» (переоценки и преобразования), а значит, имеет историческую перспективу. Это единство потенциальной открытости и реальной ограниченности отражает взаимодействие двух параметров — предметного и субъектного (как в социальном бытии, так и в знаковой стихии). Абсолютное движение (категориальный вектор) и относительный покой (феномен) формируют содержательный, духовный пласт реального мира. Именно такая (динамическая, предметно и субъектно представленная) действительность является для нас источником, основой знаний и отношений;

- *субъект в контексте КГП* не менее подвижен. Его динамика обеспечивается социальным и речевым взаимодействием людей в практической и знаковой деятельности. Мы осознаем себя в социуме (речевое поведение) и социум в себе (историческое или языковое поведение). Субъект для нас — это часть действительности, ее преобразующая сила и генератор идеальных образов;

- *наука в контексте КГП* стремится к познанию реальности — как знаковой (лингвистической), так и «незнаковой» (внелингвистической, опирающейся на иные знаковые системы) и места субъекта в ней, добиваясь этого с помощью структурирования (на основе реконструкции) и логического конструирования (моделирования). Причём, структурируя объект, мы рассматриваем его не как механическую сумму элементов, а как систему: каждый элемент существует лишь в связанном, упорядоченном пространстве целого (что и необходимо обнаружить и зафиксировать). Структурный и конструктивный подходы взаимно подкрепляют друг друга. Мы моделируем объект исследования и таким образом получаем его теоретический аналог (идеальный объект). Конструирование исследовательской модели — это, с одной стороны, средство отображения языковых явлений и процессов, а с другой — способ проверки эффективности методологии, ее способности раскрыть реальную картину общения. **Цели исследования (в том числе и в контексте КГП)** заключаются в поиске нового знания. Оно не только открывает те или иные закономерности, но и устанавливает сферу их действия (меру предмета).

Парадигмальные категории получают в лингвистической семиотике (антропосемиотике) специфическое преломление, что не может не учитывать КГП:

- *знаковая реальность с позиций КГП* — также максимально широкое понятие. Это весь знаковый фон системных и функциональных значений интерсубъектного общения, а значит, это и действительность как таковая, однако представленная уже в некоей *знаковой* упорядоченности (сообразно опыту коммуникантов в освоении языковой системы и специфики ее использования в текстопорождении, в речевой деятельности, в самовыражении себя как индивидуума и как типа (представителя группы). Понятно, что язык является универсальной и наиболее сложной знаковой реальностью. Он имеет как социальный, так и индивидуальный диапазон варьирования значений в исторически заданных рамках. КГП исходит из признания сложных и цельных фактов речевой деятельности (коммуникации). Текст, газету (газетный номер, газетное издание), книгу, фильм, телепередачу можно исследовать в рамках этой теоретической модели с тем же успехом, что и более простые языковые знаки, даже такие как слово и предложение. Однако мы ни в коем случае не отождествляем их. Это знаки разных уровней, но (и это нельзя не учитывать!) на их содержание влияют *одни и те же причины* процессуального и фактологического порядка (на чем мы подробнее остановимся далее). Соответственно, знаки подчиняются правилам системной и иерархической субординации, каждый уровень имеет свое линейное воплощение знака, но у них есть одно общее свойство (и это принципиально важно!) — все они обладают некоей завершённостью, а значит,

остаются цельными языковыми знаками. Они также обладают как предметной (а точнее субъект-предметной или референтно-деятельностной), так и собственно субъектной (точнее, речеповеденческой или субъект-субъектной) мотивацией и являются, таким образом, знаками языкового опыта как социума в целом (социально-дифференцированного, типового опыта), так и конкретных индивидов в частности, непосредственными знаками речевой, а значит, социальной деятельности. Можно добавить, что знаковая реальность и *абстрактна* (в контексте системы), и *конкретна* (в контексте ситуации общения), она и *конструктивна* (порождает реальность) и *рефлексивна* (отражает реальность); она обладает *свободой выбора*, но в то же время является *социальной замкнутой*, заданной какими-то параметрами, оставаясь все же *открытой* для «пересмотра» (переоценки и преобразования), а значит, также имеет историческую перспективу. Такая динамическая многоплановая знаковая реальность является для нас источником уникальной информации духовной жизни общества и индивида, а значит и информацией о его потенции, его будущем;

- нельзя сказать, что понятие *знаковый субъект* является «традиционным» для методологических программ. Однако оно было *введено КГП и реально заняло в нем центральное место* в исследовании языковой и речеповеденческой реальности.

Именно это понятие не только раздвинуло рамки семиозиса языкового знака, но и помогло осознать, насколько глубоко внутри объекта (знака) находится тот, кто его порождает. Образу говоря, *интерпретатор «прорастает» в знаке (обозначающем реальность), сам становясь знаком (и, тем самым, обретая меру реальности), и только в этом случае он (как реальное лицо) начинает владеть знаком (как фактом реальности)*. Отсутствие такого отношения приводит к потере реальных пропорций коммуникативного действия, а значит не дает полного знания предмета общения.

Таким образом, мы получаем вместо семиотического треугольника семиотический квадриум (а чуть позже и октаэдр), в основе которого заложена интерпретация содержания знака в некотором множестве проявлений, благодаря зарождению в семиозисе дихотомического начала:

1. *реальность-знаковая реальность, субъект-знаковый субъект;*
2. *реальность-субъект, знаковая реальность-знаковый субъект;*
3. *реальность-знаковый субъект, субъект-знаковая реальность.*

По сути, новая категория отражает *факт знаковой заданности субъекта*. Человек непосредственно использует знаки как орудие мышления и орудие общения, соответственно маркируя ими не только предметы практической деятельности, но и коммуникантов, в том числе и самого себя, свою индивидуальность и свой социальный статус, свой особый стиль и свой стилевой регистр. Таким образом, *субъект как бы раздваивается*: с одной стороны, он *автономная личность*, а с другой — *знак, функция*, и все его действия и оценки подчинены этой социальной роли (роли родителя, представителя группы, партии, нации и пр.), выстраивающей (в качестве доминантной причины) его поведение в целом и речевое поведение в частности;

- *текст-/дискурс-центричная наука в контексте КГП* прочитывается несколько по-иному. Она стремится к познанию знаковой реальности и места знакового субъекта в ней, а значит, ее внимание неизбежно сосредоточивается на речевой практике и языковом опыте. Таким образом, КГП погружает нас в содержательную среду коммуникации \ языка (сложные языковые знаки, факты речевой деятельности) с учётом как статичности знака (знак, как результат деятельности), так и его динамики, то есть открытости.

Полагаем, что будет уместным здесь добавить *пять положений*, которые поддержат нашу идею о том, что принимать антропосемиотическую перспективу в методологическую

парадигму гуманистического и социального знания, а, возможно, и общего научного знания является продуктивным:

1. Интегративные процессы в современной гуманистике основываются на том, что гуманитарное знание текст-центрично (дискурс-центрично), то есть его источник и конечный результат — текст. Именно он является вербальным событием гуманитарной науки, то есть дискурсом.

2. Любое знание не только множественно (является одним из знаний), но также технологично (конструируется в результате целенаправленной деятельности) и коммуникативно (конституируется речевыми практиками).

3. Технологии и коммуникации — такое же самостоятельное поле исследования, как методология и теория.

4. Сегодня открытие нового знания в гуманитарной сфере происходит не на встрече (или, как было принято говорить, на стыке) наук, а на «встрече субъектов», их опыта, знаний, культур, текстов, историй, то есть мы отмечаем тенденцию объективизации субъект-субъектных отношений во всех областях гуманитарного знания.

5. Встреча субъектов — основа интегративных подходов. А изучение этого явления — общая задача гуманитариев. Отсюда переход от интегративности к интердисциплинарности, где *интердисциплинарность* — это вовлечение разных дисциплин в отношения не примыкания, а согласования и управления (и в плане обучения, и в плане исследования).

Казуально-генетическая перспектива носит формализованный характер, и понятно, что мы видим в этом не недостаток ее, а преимущество. Благодаря многоаспектности (детализации) и обобщенности (абстракции) она уже сегодня, в состоянии «вместить в себя» практически все богатство методологических подходов и философских дискурсов, свести мозаику взглядов и практик в единую картину, а значит, стать истинным стимулом развития новых перспективных научных направлений.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что КГН, а вслед за ним и КГМ включает в моделирование дискурсов как *причины порождения* ключевых видов содержания дискурса, с учётом их назначения, совмещения и места каждой в общем наборе причин (происхождение содержания, *генезис*), так и *результаты порождающих причин* в их пересечении (реализация содержания, *семиозис*). Такой подход помогает соединить аналитическое и синтетическое начало, определить и содержательный *потенциал* дискурсов (учет их многоликости, вариативности структуры), и специфику его *актуализации* (учет адаптивных возможностей их проявления), а вместе — реконструировать то, что невидимо, но необходимо понять: что есть эффективная коммуникация, как происходит процесс понимания себя и других, какие процессы задействованы в процессе рождения идей, как дискурсы участвуют в конструировании мира и субъектов коммуникации.

Обратимся далее к дескрипции классификационных характеристик причин, порождающих дискурс, с целью взглянуть вглубь обсуждаемого предмета — в то, как именно проявляет себя явление причинности (каузальности) в контекст КГП, реализуя, тем самым, целевую установку данной статьи.

Причины (каузы) и их кластерная классификация: факторы и фактумы в их самостности и взаимодействии

Дискурсы проявляют себя в конкретных дискурсиях, то есть текстах в актуализации их интертекстуальности и, значит, текстах, «вписанных» в конкретный социум и ситуацию общения, текстах, способствующих рефлексии реальности, но также и ее конструированию. Дискурсы являют собой и *процесс* коммуникации и ее *результат*. И это обусловлено специ-

фикой причин, порождающих дискурс. Соответственно, мы будем говорить о двух группах причин.

Первая группа: причины процессуального свойства. К первой группе относятся причины процессуального свойства. Мы их называем *факторами* от латинского *factor* — *делающий, производящий, реализующий*. Наличие в семе слова «фактор» отсылки на субъект действия говорит об активном начале причины и наличии в ней определённой потенции.

Иначе, *под фактором понимается причина длительного и направленного действия*, которая, запуская коммуникативный процесс, обеспечивает его постоянное обновление, развитие согласно своему направлению (фокусу внимания). Важно то, что факторов (т. е. причин, порождающих дискурсы) несколько, и каждый из них имеет свою точку приложения (следствие). Эти причины, но, в большей степени, следствия изучаются сегодня в контексте ключевых направлений современной антропоцентричной лингвистики — прагмалингвистики и когнитивной лингвистики, функциональной лингвистики и лингвистики речи (текста). Каждое из этих направлений лингвистики изучает *часть целого*. Понять *как функционирует целое* значит вернуть объекту исследования возможность его изучения не несколькими научными дисциплинами, а одной, каковой и является *лингвистика дискурса*. Единение дисциплин (а не просто их суммирование) предполагает *определение места каждой среди других и их соподчиненность*. Полагаем, что их единение в контексте нахождения того, общего, что они несут объекту, оптимально реализуется идея их факторной роли.

КГН, опираясь на историю развития антропоцентричной лингвистики, называет **четыре ключевых фактора** — *прагматический* (фактор социальной практики), *когнитивный* (фактор познавательной практики), *синтагматический* (фактор текстопорождения или текстологической практики) и *парадигматический* (фактор практики языкового строительства).

Два из этих факторов (синтагматический и парадигматический) имеют собственно *лингвистическое* проявление, определяя факт развития содержания дискурсов в таких параметрах как линейная и системная заданность содержания. *Линия* (последовательность, следование) и *система* (парадигмальная организация знаков) становятся здесь *кодами реализации содержания дискурсов*. (Соответственно и их реконструкция должна идти в контексте поиска, например, коллокативных, знаково-ассоциативных или семантико-полевых проявлений содержания).

Два других (прагматический и когнитивный) имеют *внелингвистический* характер проявления, определяя факт развития содержания дискурсов в таких параметрах как иерархическая и структурная заданность содержания. *Иерархия* и (ментальная) *структура* становятся здесь *кодами реализации содержания дискурсов*, задавая дискурсам (как и другим знакам меньшей степени сложности) значимость (иерархический параметр) и значение (структурный параметр). (Соответственно и их реконструкция будет идти в контексте сбора и анализа ключевых слов, выражений, тем, топиков, или тематического анализа, определяющего характер структуры тем).

В иной группировке тех же факторов мы можем увидеть *актуальное* содержание (реализуемое прагматическим и синтагматическим факторами) либо *потенциальное* (реализуемое когнитивным и парадигматическим факторами), требующее большего времени и внимания для его «считывания» и реконструкции.

Факторы указывают на наличие уже не двух (по Соссюру) лиц языковых знаков (в нашем случае, текстов/дискурсов), а четырёх. Иначе говоря, постоянно действующие причины, формирующие процессуальное содержание дискурсов обращают лица дискурса в социальную среду (актуализация социального контекста), познавательную (актуализация знания), текстовую (актуализация функционального/ знаково-представленного знания) и языковую

(актуализация функционального/ знаково-представленного контекста). Игнорирование любой из них значительно снижает эффективность коммуникативного процесса. Внимание ко всем одновременно — постоянное требование к общающимся качественно («по полной программе»). Осознанное отключение внимания к любым двум из четырёх означает перепрофилирование содержания в поле потенциального или актуального, в поле реальности или знаковой реальности (возможно, с целью экономии ресурсов общения).

Поясним термин «практика». Здесь он скорее созвучен английскому слову “practice”, чем русскому «практика», ибо речь идёт о практике не как о собственно материальной, феномено-опосредованной деятельности человека (коммуниканта), а деятельности абстрактной, как полагают, только человеку и присущей. Именно поэтому содержание, порождаемое такими *практиками* — это не явление, а идея, абстракция, *понятие, idea-bias content*.

Если мы сравним подход с моделью семиотического (семантического) треугольника Фреге (где *понятие* репрезентировано одним из углов треугольника, а другие — десигнат и знак), то поймём, насколько глубоко КГМ ушло в сторону детализации и глубины. Идеализация, тем не менее, это не нечто невидимое. Идеальное содержание «привязано» к реальности кодами пространства — кодами иерархической, линейной, системной и собственно структурной организации и являет собой идеальное содержание, проявляемое с опорой на *структуры* как общего (социального), так и индивидуального свойства. По большому счёту, все пространственные формы есть структуры, а их проявление — это лишь характеристика формы структуры — линейная, иерархическая и т. д. Впрочем, эта детализация, возможно здесь избыточна.

И все же для чего нужна детализация, глубина понимания, дифференциация явления? Знание специфики формирования содержания создаёт дополнительный стимул его подвижности, не важно, будь оно актуального или потенциального свойства, опирается ли оно на факты речевого/лингвистического воплощения или нелингвистического планов.

По всей вероятности здесь будет уместным дать дефиниции факторных причин с опорой на Словарь базовых терминов КГП, представленный в диссертационном исследовании автора [Ухванова, 1995, с. 327–349]; немногие изменения первоисточника представлены курсивом:

(1) фактор социальной организации содержания (социальный *процесс*) есть процесс информативно-регулятивного воздействия социальной практики коммуникантов на речевую деятельность, преломляющийся в константной иерархической (эмотивно-оценочной) регуляции плана содержания языковых знаков (кодирование и декодирование); источник прагматической информации;

(2) фактор *когнитивный или* фактор интеллектуальной организации содержания (познавательный *процесс*) есть процесс информативно-регулятивного воздействия познавательной деятельности коммуникантов на речевую деятельность, преломляющийся в константной структурной регуляции плана содержания языковых знаков; источник гносеологической информации;

(3) фактор парадигматической организации содержания (*процесс языкового развития*) есть процесс информативно-регулятивного воздействия парадигм языка (языковой картины мира) на речевую деятельность, преломляющийся в константной систематизирующей регуляции плана содержания языковых знаков; источник парадигматической информации;

(4) фактор синтагматической организации содержания (речевой/ *текстологический процесс*) — процесс информативно-регулятивного воздействия текстовых реминисценций на речевую деятельность, преломляющийся в константной линейной регуляции плана содержания языковых знаков; информативно-коллокативная регуляция языкового содержания; практическое мышление; источник синтагматической информации [Ухванова 1995: 335–336].

Вторая группа: причины результативного свойства. Порождая дискурсы, коммуниканты конструируют миры не только абстрактно, но и вполне конкретно — феноменологически, порождая субстанциальное содержание дискурсов — *phenomenon-bias content*. Грань между миром понятий, идей и миром объектов, субъектов, действий, независимо от того, представлены ли они эксплицитно или имплицитно, вполне заметна. Причины, порождающие данный вид содержания по сути те же факты. *Factum est factum* — *факт остаётся фактом*, где факт — это и причина и результат (воплощение причины). Иначе, *под фактумной причиной понимается причина результативного свойства*, которая, запуская коммуникативный процесс, все время способствует его «приостановке».

Факт существует во времени и меняется со временем. Но его можно осязать, увидеть, услышать, т. е. зафиксировать чувственно. Как и число факторов, количество фактумов, порождающих дискурсы и зафиксированных в КГП четыре. И каждый имеет свою точку приложения (следствие). К ним относятся: (1) *практическая деятельность человека*, (2) *речевое поведение*, т. е. стиль (не стилистика) коммуниканта, каким он воспроизводит себя, (3) *его языковое функционирование* (язык), (4) *его опыт*. По сути все они фактологичны (результативны): их можно зафиксировать на фотографиях, описать как реальность в дневнике, о них можно поговорить с друзьями на вечеринке. Они вполне осязаемы.

Назвав фактумную группу причин (и их тоже четыре), мы видим что порождаемые результаты — это и факты мира и факты социального мира и артефакты (знаки) одного и другого, определенным образом упорядоченные (адаптированные и социумом и индивидуумами). Иначе говоря — это факты нескольких связанных между собой миров, каждый из которых имеет свою дальнейшую спецификацию. И познание (их знание) здесь имеет фактологическую направленность, которая неизбежно исторически ограничена (актуализация временной характеристики данной классификации), а значит имеет свою историческую перспективу (про-, либо ретро-спективная характеристика). Добавим, что специфика фактумного взаимодействия — это взаимодействие субъект-предметного и субъект-субъектного порядков, знаково-предметного и знаково-субъектного.

Предлагаем ниже определения фактумных причин, как мы их фиксируем в Словаре базовых терминов КГП [Ухванова 1995: 336]:

- фактум референции (практическая деятельность) — взаимодействие познавательной и оценочной деятельности в процессе выявления референтов (фактов действительности).
- фактум номинации (функционирование языка) — взаимодействие речевой и языковой (системообразующей) деятельности в процессе выявления знаков референтов (знаковых референтов) как фактов коммуникативной действительности.
- фактум стилизации (речевое поведение) — взаимодействие оценочной и речевой деятельности в процессе определения речевого поведения (стиля коммуниканта).
- фактум типизации (языковой опыт) — взаимодействие познавательной и языковой (системообразующей) деятельности в процессе определения типа общения.

Итак, и факторное и фактумное единства имеют свои *ограничители* — либо время, либо пространство. Но вместе они представляют собой единство, характеризующееся потенциальной открытостью и реальной ограниченностью.

Преумножение ранее актуальных для семиотического моделирования позиций (определяющих логику содержания коммуникации в ее знаковом воплощении) является по сути переходом мышления от формата 3D (семиотический треугольник древнего мира, а затем и непосредственно сопричастные нам треугольники Фреге, Пирса, Морриса) в формат 4D+4D с логикой каузально-генетического моделирования, т. е. включения факторно-определяющих и фактумно-определяющих причин, а значит и семиотических связей. В итоге реконструирована структура содержательного ядра дискурса состоящая из 8D. Любопытно при том, что ре-

альное функционирование дискурса происходит не в сложении, а в перераспределении причин. Иначе, когда в каждую из позиций модели «4D+4D» включён набор из всех кодов содержания (факторная реализация с учётом структурной, системной, линейной и иерархической реализации пространственной составляющей содержания коммуникации), и когда в каждой из позиций модели «4D+4D» присутствуют предмет- и субъект-фокусированные миры, равно как и миры их реализации в знаковых проекциях. И тогда мы говорим о факторно-фактурных триплетах [Ухванова 1995: 336-337]:

- ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ — взаимодействие лингвистических, содержательно ориентированных отношений языкового знака в единстве его речетворческой, системотворческой и дискретно-знаковой (знаково-практической) функциональной заданности.

- ВНЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ — взаимодействие внелингвистических, содержательно ориентированных отношений языкового знака в единстве его социальной, познавательной и конкретно предметной (практической) функциональной заданности.

- ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОМ — взаимодействие внешне наблюдаемых отношений языкового знака в единстве его социальной, речетворческой и стилистической (речеповеденческой) функциональной данности

- ИНТЕНСИОНАЛЬНОМ — взаимодействие фундаментальных отношений языкового знака в единстве его познавательной, системотворческой и знаково-типологической (стиле-регистрирующей) функциональной заданности.

Вместо заключения

Любопытно переводится в словаре пословиц латинского языка слово *Factotum* как *совершенно доверенное лицо, слуга «за всё» по дому* [Латинско-русский словарь... б/г]. Почему-то представилось, что в нем в каком-то смысле заложена идея каузально-генетического подхода, идея факторно-фактурного единства, идея соединения процесса и результата, а по сути, — идея ответственности за все сразу и идея реализации этой ответственности. КГМ как слуга двух господ. В какой из миров он войдёт — таким и будет. Он готов на все.

Мы полагаем, что наши миры в современном прочтении — это мир дискурс-теории и практики и мир коммуникативной теории и практики — коммуникативистики. А объединяет эти миры антропосемиотика.

Курчак Л.В. 2012. *Дискурс деловых переговоров: опыт анализа*. — Минск: БГУ.

Латинско-русский словарь... б/г. *Латинско-русский словарь: Латинские изречения*. — б.г. — Доступно: <http://bit.ly/ZXFkNJ>. — Проверено: 29.07.2014.

Луцинская О.В. 2011. *Обучение иноязычному письменному дискурсу в контексте профессионального общения*. — Минск: БГУ.

Манфред Ф.Р., Врис К. де. 2004. *Управление временем*. — Доступно: <http://hbr-russia.ru/lichnaaya-effektivnost/upravlenie-vremenem/p14253>. — Проверено: 29.07.2014.

Методология... 2002. *Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: Сборник научных трудов*. — Вып. 3. — Минск: БГУ.

Методология... 2009. *Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сборник научных трудов*. — Вып. 6. — Минск: БГУ.

Попова А.В. 2008. *Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации*. — Минск: Издательский центр БГУ.

Савич Е.В. 2012. *Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа*. — Минск: БГУ.

Усманова А.Р. 2001. Семіозіс. — *Постмодернізм. Энциклопедия*. — Минск: Интерпрессервис.

Ухванова И.Ф. 1995. *План содержания языкового знака: сущность и феноменология (на материале печатных средств массовой информации): Дисс... докт. филол. наук. 10.02.19 — теория языка*. — Минск.

Ухванова-Шмыгова И.Ф. 2010а. Критерии самоидентификации. — *La table ronde: Сборник материалов*. — Вып. 1. — Минск: Издательский центр БГУ.

Ухванова-Шмыгова И.Ф. 2010б. Заключение. — *La table ronde: Сборник материалов*. — Вып. 1. — Минск: Издательский центр БГУ.

Ухванова-Шмыгова И.Ф. 1993. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе. — *Философская и социологическая мысль*. — № 3.

Ухванова-Шмыгова И.Ф. 2000. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива. — *Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: Сборник научных трудов*. — Минск: БГУ.

Dictionnaire... 2002. *Dictionnaire d'analyse du discours*. P. Charaudeau, D. Maingueneau (eds.). — Paris: Editions du Seuil.

La table ronde ... 2013. *La table ronde: Сборник материалов*. — Вып. 2.

Pinker S., Prince A. 1988. On language and connectionism: Analysis of a parallel distributed processing model of language acquisition. — *PsycINFO*. — Vol. 28. — № 1–2.

The Routledge companion... 2001. *The Routledge companion to semiotics and linguistics*. Ed. by P. Cobley. — L.; N.Y.: Routledge.

Zuidema W., Boer B. de. 2003. How did we get from there to here in the evolution of language? — *Behavioral and Brain Sciences*. — Vol. 26. — № 6.